

Александр Амусин

Главнейшая обязанность ребёнка постоянно  
мудрогранность сыг, неповторимости..

# Мудрость детства

Я ЦВЕТЫ ОТ  
ЗИМЫ  
СПАСАЮ!

# Александр Амусин Я ЦВЕТЫ ОТ ЗИМЫ СПАСАЮ!

*<https://litres.ru/74514684>*

*SelfPub; 2026*

## Аннотация

Книга из цикла "Мудрость детства" - заставляет задуматься над глубиной простых, зачастую обыденных взглядов наших детей. Фраза, брошенная ребёнком, иногда мудрее сотен книг, созданных взрослыми. Главное услышать эту фразу, постичь её многогранность, силу, неповторимость ...

Не все,  
что понятно взрослым,  
понятно детям...

Не все,  
что понятно детям,  
понятно взрослым...

Но, если ребенка вижу,  
взявшего за руку взрослого,  
Значит,

мы стали ближе!  
На ладошку  
уменьшилось

СЛОЖНОГО

# **Александр Амусин Я ЦВЕТЫ ОТ ЗИМЫ СПАСАЮ!**

**8 905 368 99 11 \\\ АМУСИН АЛЕКСАНДР ///**  
**amusin\_a@mail.ru**

**МУДРОСТЬ ДЕТСТВА**

**Я ОТ ТЕБЯ ФУГЕЮ\***

Мария торопится, убирает квартиру, в одной руке пылесос, в другой швабра. Рядом крутится шестилетняя дочка Полина. Кареглазая, веснушки разбросаны по круглому личику, словно звёздочки по небу, под ореолом волос лунного цвета. Она всё время мешает маме, то на тряпку наступит, то воду разольёт, но мать не ругается, а пытается удержать девочку в кресле. Пододвинув его к окну, просит дочку смотреть очень внимательно на дорогу и, как только появится огромная тётенька в сиреновом платье, в фиолетовой шляпке и с фиалками в руках, обязательно сообщить. Понятно, что задание Мария придумала странное, в надежде подольше продержат дочь у окна в кресле, но уловка не удалась. Не прошло и минуты,

как Полина вернулась к пылесосу.

– А когда папа придёт?

Мария смотрит на будильник и неуверенно отвечает:

– Примерно через час.

Девочка вскарабкивается в кресло, глядит в окно, но странно, отрешённо.

– Мама, а сколько времени прошло, час не кончился?

– Нет, Полиночка, только начался.

Девочка взбирается на подоконник.

– Мама, а почему часы разные бывают? Одни быстрые, а другие долгие?

Женщина включила пылесос, из-за шума вопроса не слышит. Девочка гладит стекло и сама себе отвечает:

– А почему они должны быть другими? Вот люди – одни длинные, а другие короткие, потому что в разные часы родились.

Затем снова задаёт себе вопрос: – А почему они одни толстые, а другие худые? – И, не дожидаясь ответа, сама себе отвечает: – Правильно, одни рождаются до обеда, а другие после. – Довольная своим открытием, торопится к матери. – Мама, а я когда родилась, до обеда или после?

– Ты родилась ночью.

Девочка задумалась, вернулась в кресло и сидела минут пять, уткнувшись подбородком в кулачок, размышляя. Затем радостно воскликнула:

– Всё правильно! Должен быть кто-то не худым и не тол-

стым, а нормальным! – Она моментально вскакивает и летит к Марии: – Мама, а я какая – толстая или худая?

– Ты красивая...

– А красивые – это нормальные?

– Очень!

– Значит, и ты родилась ночью?

– С чего ты взяла?

– Но ты, же красивая!

– Почему ты так решила?

– А все говорят, что ты на меня похожа!

Мария смеётся.

– Мама, а папа скоро придёт?

Женщина выключает пылесос.

– Ты почему так часто о нём спрашиваешь, соскучилась?

Девочка лукаво улыбается:

– Он обещал мне сегодня подарить офугенную вещь...

– Какую?

– О-фу-ген-ную...

В это время дверь открылась, и вошёл отец. Девочка обрадованно кинулась к нему. Он поднял её на руки, достал из кармана пиджака золотую зажигалку в виде символического нотного ключа на сердце усыпанного мелкими бриллиантами. Восхищённо полюбовался и гордо протянул жене.

– Смотри, что сегодня приобрёл! Она станет настоящим украшением моей коллекции.

Жена потрогала приобретение, но в руки не взяла. Спро-

сила удивлённо!

– Что это?

– Фуга, точнее символ фуги – её считают наивысшим достижением в музыке! Фуга такая музыкальная форма, является наивысшим достижением

полифонической музыки. Проще сказать – это символ чуда, дива! Понимаешь лучшее, что создано человеком и человечеством! Это символ великолепия и гармонии души и звука!

Девочка тоже разочарованно смотрит на оригинальную и дорогую вещицу, хмурится и грустно произносит:

– А мне...

Отец растерянно заглядывает в её глаза, осторожно ощупывает карманы, но, не найдя ничего подходящего, протягивает дочери символ его наивысшего чуда!

– Держи! Пусть фуга будет твоим лучшим другом!

Полина крутит игрушку в руках, затем, недовольная, возвращает отцу.

– Что-то я от твоего лучшего друга не фугею.

Мария, видя растерянность мужа, берёт дочку на руки и шепчет:

– Подожди, не расстраивайся, пусть папа хотя бы переоденется.

Затем осторожно опускает Полину на пол, снимает с мужа пиджак, подходит к шкафу, незаметно для дочери достаёт с полки свёрток и кладёт

его в карман пиджака. Затем делает недоумённое лицо и, поворачиваясь к мужу, удивлённо восклицает:

– А это, что за сюрприз папа припрятал в кармане?

И на глазах у дочери достаёт свёрток.

– А ну-ка, папа, разворачивай!

Отец достал пенал, набор фломастеров и маленькую дешёвенькую игрушку – пушистого ярко-оранжевого котёнка. Девочка радостно схватила подарки, обняла отца:

– Спасибо, папа, фугею, спасибо, фугею! Ты лучше всех, папа!

Счастливая Полина убежала к себе в комнату, а муж, обняв жену, тихо прошептал:

– В который раз ты меня выручаешь, забыл, что наобещал, обрадовался такому единственному экземпляру... М-да... Спаси-бо! Ты лучше всех! Любимушка, ненаглядushка! Жёнушка, сколько лет вместе, а я каждый день от тебя фугею! Дирижёр ты наших судеб, родненький!!

## **О ЧЁМ ОБЛАКА ПИШУТ**

**На берегу двое! Девочка лет восьми и женщина, явно её мама, потому что поразительно похожи. Обе с золотистым оттенком карих глаз, с длинными, устремлёнными к солнцу ресницами. Слегка рыжеватые густые волнистые волосы, ладошки летящими лодочками, с продолговатыми**

уточнёнными пальцами, на подбородках крохотные ямочки, придающие каждой неповторимый шарм. Мама смотрит на волны, печально вздыхает, несколько раз гладит телефон, лежащий на коленях, поднимает и опускает руку. Девочка пристально разглядывает небо, то улыбается, то хмурится, иногда что-то шепчет.

Женщина, взглянув на дочь, не столько ей, сколько себе раздражённо говорит:

– Опять Солнышку свои сказки рассказывает? И когда только повзрослеешь?! Романтик-бантик! Ну, вся копия отца!

Девочка качает головой.

– Мама, если бы не Солнце, никто бы никогда бы никого не увидел. И ты папу не встретила, и папа тебя! А значит, и меня бы не было!

Женщина искренне смеётся!

– Тебя послушать, так всю философию переписывать надо! Ну, а сейчас, что ты в небе познала?

– Облака читаю!

Женщина даже не удивляется отклику дочери, скорее машинально спрашивает.

– Кого читаешь? Где?

– **Облака! Мама, облака о многом-многом пишут, просто люди их читать не могут. А жаль! Они о разных тайнах рассказывают, а мы глядим и не понимаем!**

– **Мда! Тебя послушать и тучи абсолютно всезнаи-**

**стые! А небо целая энциклопедия! Кстати, а когда папа придёт, облака не ведают?**

**Теперь рассмеялась девочка!**

**– Ведают! Ведают! Оглянись! Оглянись!**

## **ЛАЛИСКИНА ЛЮБОВЬ**

**Как утверждает маленькая Лариска, она очень влюбилась. Правда, ей совсем немного лет, да и буквы ни всё правильно произносит, и вместо буквы «р» буква «л» получается. Но... Как решила так и получилось. Подошла она к маме и заявила:**

**– Мама, я должна тебе сказать вазное пледожжение. И очень вазное.**

**Мама улыбается, но молчит, глядя на покрасневшую от волнения дочку, на её маленькие пухленькие ручки, обнимающие пушистого зелёно-голубого котёнка с карими пуговками вместо глаз.**

**– Мама, я почему-то влюбилась. И очень силёзно.**

**– Серьёзно или слёзно? Говори чётче, а то я тебя не смогу правильно понять.**

**– Я сама-то себя понимаю полуплавильно. Ну да ладно, всё лавно слусай. Мама, завтла из садика ты возмёшь не только меня, но и Диму Лыкова, мы длуг в длуга влюбилась, и тепель он будет жить у нас.**

**Мама с удивлением глядит на дочку, улыбка медлен-**

но-медленно сходит с побледневшего лица.

– Я что-то в этих близнецах Лыковых путаюсь, это который из них Ди...

– Пличём тут близнецы! Они Лыковы, а Дима Л-л-рлыков, понятно?

– Понятно. И что вы решили с Димой, который Рыков и не из близнецов?

– Это я лисила, а Дима ещё не знает. Он мне плизнался, что любит меня, и мне показалось, что его люблю тоже, потому, что мне его залко.

Мама, потихоньку выбираясь из шока, выпрямилась, пытается улыбнуться.

– А причём тут жалость и любовь? Мне всегда казалось, что это понятия разные.

– Ну, ты же иногда говоришь папе, что если бы тебе его не было залко, то давно бы к бабушке ушла. А потом, когда он тебя обнимает, ты всё время шепчешь: «И за что я тебя люблю, такого, и за что залею...»

– А ты в это время подглядываешь и подслушиваешь!

– Вот ещё не хватало, подглядывать! Мне от вас плятаться уже негде, день и ночь то лугаетесь, то целуетесь, даже в ванной. А я уже не маненькая, я всё вижу, я ещё больше вижу, когда вы заклываетесь.

Мама снова покраснела, разволновалась, схватила утюг и стала гладить только что выглаженное полотенце.

– Мама, ты утюг забыла в лазетку засунуть. И вообще, не

надо плятаться за делами, когда отвечать надо. Ты что, не хочешь, чтобы Димка жил у нас?

— А с чего это ты решила, что Диму любишь? У тебя сердце ещё не выросло чтобы любить....

— А как же иначе? Папы у него нет. Иглушек нет. Ходит в одной и той же лубашке целый месяц, а на ней даже пуговицы не все. Вечно то голодный, то побитый! А вчела воспитательницу плосил, чтобы домой его не отдавали. Там мама ему опять нового папку нашла, так тот, как напьётся, Димку своими штанами по лицу лупит.

— А, что мать не заступается?

— Заступается. Она Димку любит, ей его жалко.

Лариса подошла к матери, обняла её и, всхлипывая, добавила:

— Заступается, а что толку. Когда она заступается, новый папка её лупит или за волосы... Димка когда про это говорил, плакал по-настоящему.

— Ну, ты прямо страсти какие-то рассказываешь.

— Стласти не стласти, а пока Димка выластет, его какой-нибудь новый папка или плибьёт или изувечит, так воспитательница говорит. Пусть он лучше у нас поживёт, пока не выластет. Целее будет. И вообще, мама, не ценишь ты нашего папу, он хоть и лугается, но очень мало, тихо и никогда не делётся.

Мать взяла дочку на руки и подошла к окну.

— Эх, Лариска, Лариска, ценю я нашего папку и люблю

его очень, я хочу, что бы он дома бывал чаще, а он всё время на работе и на работе. Только и приходит переночевать, как в гостиницу, а у него здесь дом, семья. Вот смотри, уже шесть часов, вечер, а его всё нет и нет. А ведь сегодня обещал придти пораньше.

– Да, а и мне ещё вчела принести новую кассету с мультиками, и не принёс. Говорит, что на лаботе забыл. А вчела...

Лариса не договорила. Дверь открылась, и вошёл папа. В руках у него было два свертка, один большой, а другой поменьше.

– Ну-ка, догадайтесь, в какой руке кому? — спрятав оба свёртка за спину, улыбнулся отец.

– Мой большой, мой большой.

Лариса спрыгнула с материнских рук и подскочила к отцу.

– Ну, если твой большой, молодец, угадала – получай.

– В связи с очередным опозданием папа решил нас задобрить? — усмехнулась мама и снова принялась гладить только что выглаженное полотенце.

– Галка, Галушка, всего-то на полчаса!

– Полчаса! А ты думаешь, это мелочь? Ты знаешь, что за эти полчаса твоя дочь решила выйти замуж!

– Кто?

– Кто, кто... Дед Пихто, а вместе с ним Лариска.

– Галка, ты это серьёзно?

– Серьёзнее некуда.

Пока Лариса разбирала содержимое пакета, мать вкратце

рассказала о «плодोजжении» дочери. И с ехидцей в голосе добавила:

– А ты что думал? На работе пропадать – только семью терять.

– Ну, ты опять в крайности... Мало ли что ребёнку взбредёт в голову. Хотя... Я свяжусь с участковым. Надо помочь мадамке разобраться со своими кавалерами.

– Это Димкиной матери Ленке-Буратине? Да кто её, шалаву, не знает, ты ещё начальника милиции на подмогу кликни. Нет бы, подумать, что дочери сказать, как помочь ей от собственной затеи отказаться, а он со шлюшкиными кавалерами кинулся разбираться.

Галина ревниво посмотрела на мужа и отвернулась.

– А ты-то откуда про неё знаешь?

– Господи! Да оттуда, откуда и все! Ты за ребёнком в садик почаще навещайся, да не на машине, а пешком. Да с людьми пообщайся, с воспитателями, с родителями, глядишь, побольше, чем от участкового узнаешь, буфетчица она и есть б...

– Галя, ну не заводись. Успокойся. – Это я-то неспокойна! Ты лучше с ребёнком поговори, делать-то что-то надо. Или сам её завтра будешь забирать из садика.

– Да, проблемка... Успокойся, разберёмся.

Он вошёл в детскую и прикрыл за собою дверь. Дочь сидела на диване и, включив телевизор, смотрела мультфильмы из новой кассеты.

– В общем, так, Ларушка-лапушка, ты у нас взрослая. Мама мне всё рассказала. Всё, Ларушка-лапушка, детство кончилось. И мы с мамой понимаем, раз ты приняла такое серьёзное решение. В общем, ты права. Димка должен жить у нас. Поэтому я завтра забираю вас из садика обоих.

– Ой, папа, а я боялась, что ты меня не поймёшь, лугаться будешь.

– Ошибаешься, солнышко, ещё как понимаю. Это вы, дети, почему-то решили, что взрослые только и думают, как бы сделать вашу жизнь невыносимой. Нет, Ларушка, думать мы за тебя больше не будем. Как решила, так решила. Мы с мамой даже не станем тебе говорить, нравится нам твоё решение или нет.

– Ты чего несёшь, ты чего городишь? Ты...

Мама не выдержала и, открыв дверь, вошла в детскую.

– А подслушивать нехорошо, ой, нехорошо!

– Да ты тут орёшь на всю квартиру такие глупости, что с закрытыми дверями услышишь.

Отец, улыбаясь и подмигивая, подошёл к матери, обнял и еле слышно прошептал:

– Не гневись понапрасну, а дослушай.

И уже громче добавил:

– Галка, а ты помнишь Лариску Свиридову, так развелась, ты представляешь, развелась. Теперь по судам бегает, кавалер-то её решил делиться, и комнату пополам, и всё, что в квартире, даже ложки с игрушками потребовал поделить.

– Какую Свиридову? — ещё не понимая, к чему он клонит, машинально проговорила мама.

И вдруг, улыбаясь, осознавая скорее сердцем, чем умом, подошла к мужу...

– Эту, как её... Сидорову, ну как же, как же, отлично помню, добрая такая, маленькая, да её любой обидит.

– Всё по закону. Она его сама пригласила к себе жить, кавалера-то, сама. Жалко ей, видите ли, стало, что он неухоженный ходит, жить ему, видишь ли, негде... Вот и дожалелась. Теперь последнюю комнату в коммуналке делят. Даже игрушек половину отнял. А, что поделаешь, всё правильно.

Маленькая Лариска, слушая родителей, с удивлением глядит то на мать, то на отца.

– Это как это иглушки отнял, это как это плавилоно?

Отец поднял на руки изумленную дочку.

– Ты нас не подслушивай, Ларушка, это мы говорим про других, про нехороших дяденек и тётенек. А ты у нас хорошая, и твой Дима хороший. Если вы захотите опять жить по отдельности, он делиться не станет. Ну, зачем ему отнимать у тебя твои же игрушки. Разве он у тебя отнимал хотя бы их в садике?

– Много ты знаешь! Отнимал, ещё как отнимал, а вчела машину отнял, я на ней Балби катала. Так он Балбю выкинул, а машину заблал.

– А ты?

– А что я, полевела-полевела, а он даже не подошёл, не

извинился.

– Ну, нет, Ларушка, раз решила – вместе, значит – вместе. Всё. Завтра из садика забираю вас обоих. Ты лучше подумай, какую ему свою чашку отдашь, тарелочку. Надо же его из чего-то кормить. А я подумаю, что можно из твоей комнаты убрать.

– Зачем?

– Ну, а как же, надо же где-то ему спать, раскладушку поставить надо. Я думаю, что телевизор убирать придётся, с тумбочкой.

– Папа, папа, ты ничего не убилай, это как же я без телевизела, это как же я без мультиков! Папа, пап, может это... Ты подумай. Телевизол нузен.

Лариска так быстро зататорила — стая воробьев позавидует.

– Ой, мама, ой, мама, ой, мама, папа-то чё надумал, Димку вместо телевизола. Да я, да я...

– Знаешь что, Ларушка, мы с мамой сейчас дойдём по одному делу к тётё Вале. А потом договорим. Хорошо!

Когда родители вернулись, Лариска подошла к матери и тихо попросила:

– Мам, а мам, давай завтла в садик не пойдём? Ты меня давно обещала на лаботу взять.

– Почему в садик не хочешь?

– А ну его. Вдлуг папа плиедет и меня домой забелёт,

с Димкой! И чего я буду с ним тут делать без телевизора? Иглуски делить, что ли!?

## СКАЗЫ БАБУШКИ МАРИИ

### ДИН и ДИНЬ

Волшебное лето. Бархатный август. На берегу Волги маленькая Поинка весь вечер пристаёт к бабушке и просит рассказать новую сказку, причём такую, чтобы обязательно в неё поверить.

– Тебе не сегодня-завтра в школу, а ты всё от сказок оторваться не можешь!

– Бабуля, бабулечка! Ну, пожалуйста! Ну, ты же их знаешь столько, сколько во всех книжках нет.

Бабушка пытается отмолчаться, но Полина не отстаёт.

– Бабуля, вспомни! Как я комнату прибрала, а игрушки... Да они в магазине так красиво не стояли, как на полке. И все причёсанные, с руками и ногами... Ты же обещала! Ну, пожалуйста, расскажи сказочку. Ну, пожалуйста! Ну, пожалуйста!

Бабушка потихоньку начинает сдаваться.

– Какую? Про гадкого утёнка хочешь?

– Про вуточку я ещё помню, а что-нибудь новенькое...

– А про крокодила Гену?

– И про кракумилочку не забыла, и про его гармошечку с Чебурашечкой.

– Хорошо. Давай я тебе про русалочку расскажу.

– Не хочу злых сказок. В ней русалочка гибнет, это не сказка, где всё плохо.

– А что же это, по-твоему?

Полина задумывается. Долго морщит лобик, бродит по берегу, собирает мелкие морские камешки и неумело кидает в набегающие волны. Затем резко разворачивается и подходит к бабушке.

– Это не сказка, это рыба жизнь.

– А что же, по-твоему, сказка?

– В сказке всё страшно, но хорошо кончается.

– А не в сказке?

– Всё плохо, и заканчивается совсем плохо.

– Но я, же тебе рассказывала, что русалочка живой осталась, просто её душа поднялась на небо, а хвостик стал пенной.

– А что, на небе душа дальше живёт тоже русалочкой?

– Нет, не обязательно, она может снова вернуться на землю и заново жить, только в другом теле.

– Ой, бабуленька, ты мне такую сказочку не рассказывала, расскажи, расскажи! Пожалиста!

– Это сказка для взрослых, а ты у меня ещё совсем-совсем маленькая.

– Бабулюшка, но ты сама говорила, что мне скоро в школу, а туда пускают только взрослых...

Бабушка садится в надувное кресло, а Полина забирается

к ней на колени. Бабушка долго гладит русые волосы внучки, глядя на Волгу. Её глаза начинают поблескивать, на щеках появляются то ли слезинки, то ли капельки речных волн. Затем, улыбнувшись, прижимает девочку к себе.

– Ну, что ж, тогда слушай, солнышко, слушай, капелька моя ненаглядная. И пойми, точнее, постарайся понять то, о чём я тебе расскажу. Потому что мой рассказ – не сказка, а нечто другое. То, что ты ещё никогда не слышала. А случилось это очень и очень давно реально, когда вместо твоей любимой Волги здесь плескалось огромное, красивое Хвалынское море, а вместо Саратова шумел непроходимый густой лес... Да! Давным-давно, когда не было ни тебя, ни меня, не было даже моей бабушки и бабушки моей бабушки, а люди жили совсем не так, как сейчас. Они не знали ни красивых машин, ни тёплых домов, не ведали, что такое компьютер, телевизор, авторучка. Даже про велосипеды не слышали, а колесо ещё не изобрели. Всё богатство – лук со стрелами, копье да хорошая дубинка, чтобы было чем защищаться от всякого зверья да спокойно поохотиться и порыбачить. Вместо электрических лампочек – костёр. Тяжело жилось людям. Очень тяжело и плохо. Потому что были они слабее зверя и часто погибали на охоте. Да к тому же жили небольшими группами – племенами. И очень долго воевали между собой, убивая друг друга. От такой жизни, если кто-то из племени доживал до сорока лет, то считался уже стариком. Но и таких, так сказать, стариков, было совсем немного.

И жил в те времена один очень удачливый охотник Дин. Был он молод и красив. И женился на самой прекрасной девушке племени Динь. И дорожили они друг другом очень-очень, как твои мама с папой. И были счастливы, но недолго. Однажды Дин не вернулся с охоты. И пошли его друзья искать, и нашли в лесу раненого. Лежал он рядом с убитым воином из другого племени. Его лицо было изувечено когтями воина, а тело — в ранах от его кинжала, — видно, схватка была тяжёлой для Дина. Принесли его, умирающего, к любимой Динь, а он слова не мог вымолвить, попрощаться, так было ему больно и тяжело. Смотрел он на свою жену и плакал. Но не от боли. Впервые в жизни плакал, потому что понимал — больше её никогда не увидит... Всю ночь сидела Динь над умирающим мужем, держа его на руках. Нет, она не плакала. Она молила богов, чтобы они сохранили жизнь её любимому мужу. Но боги её не слышали. На рассвете он умер. И тогда зарыдала Динь, закричала сильнее ветра, прижимая к себе Дина.

— О, как же вы несправедливы, боги! Почему вы отняли у меня самое дорогое, что есть на этой земле! Почему отняли так рано! За что вы наказываете меня! Чем я вас прогневила?! Почему вы не слышите тех, кто в вас верит и предан вам! Почему вы так несправедливы, боги!? Ведь вы же боги-и-и!!!

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.